

Иосиф Мигиров

ЦАРИЦА
ИЗРАИЛЬСКАЯ

Роман

Иосиф Мигиров
Царица Израильская

«Книга-Сэфер»

2015

Мигиров И.

Царица Израильская / И. Мигиров — «Книга-Сэфер», 2015

Иосиф Мигиров родился в 1951 г. в г. Нальчике, Кабардино-Балкарии. Служил в Армии. Единственный представитель из горско-еврейского этноса, окончивший Литературный институт им. А.М.Горького. С 1996 г. живет в США. Публиковался в России, Израиле, США. Автор семи книг и двухтомника "Избранное" вышедшего в Нью-Йорке, за который получил премию "Литература года. 2014". Роман Иосифа Мигирова "Царица Израильская" можно назвать провидческим. В нем предугаданы многие события, в том числе и возникновение Исламистского государства. Через всю книгу проходят размышления о некоей Царице Израильской, учреждение института которой, могло бы стать новым символом еврейского государства. Роман написан живым, образным языком, держит в напряжении читателя с первой до последней страницы.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Иосиф Мигиров

Царица Израильская

Часть первая

Печать сатаны

...Ури вышел из медитации. Крепкий старец, похожий на древнееврейского пророка, единым взглядом увидел всю комнату. Как и всегда, после выхода из получасового погружения, все казалось более чистым, хорошо выписанным, словно по-новому освещенным.

Дом старца, выложенный из камня, состоял из одной большой комнаты, обставленной самым необходимым: прямоугольный дубовый стол и несколько стульев, низкая деревянная кровать, шкаф, две полки на стене. На одной из них стояло три-четыре книги, одна пухлая тетрадь, на второй-лампадка с двумя-тремя маленькими склянками, и меж двух ее светлых окон сушилась трава для разных снадобий.

В торцевую стену был встроен большой, всегда готовый к огню, камин. И в дальнем от камина углу стоял деревянный сундучок, покрытый белым покрывалом. Над сундуком висело ружье.

На одной из стен висела картина – самая большая ценность Ури. Она была небольшой, но лучилась необычным серебристым цветом от Дерева в центре ее.

...Ури поднялся с низкой табуретки, подправив борта опоясанного кожаным ремнем хитона, легко пошел к двери. Под его мягким шагом едва слышно скрипнули выдраенные до блеска половицы.

Ури вышел на крыльцо. Вечерний горизонт полыхал ярко-алым закатом.

Старец глубоко вдохнул, в легкие потекла расслабляющая свежесть: в нескольких шагах от дома тихо плескалась в зеленых берегах спокойная река Змейка.

По ту сторону реки, до самого горизонта, раскинулась долина с большими золотистыми полянами и сочным лесом: владения Ури-Долина Призванного.

Старец прошел в сад, взглядом довольного хозяина осмотрел его: пять-шесть молодых яблонь донашивали свои налитые соком плоды, по обеим сторонам извилистой, выложенной камнями дорожки разбежались невысокие черешни, в глубине – молодой орешник раскидал по сторонам упругие ветви.

На душе уютно. Старец поднял к небу спокойные черные глаза: все то же закатное солнце горело под легкой синевой, одинокий ястреб, высмотрев добычу, стремительно сорвался вниз. Везде шла жизнь: и в небесах, и под землей, как, наверное, сейчас под его башмаком, в земле, шевелится какой-нибудь червь. Всегда и везде – жизнь.

За спиной мягко зашуршала трава. Повиливая хвостом, в ноги Ури ткнулся ягуар – величественная кошка с ярко-желтой, с черными пятнами, шерстью.

...Старец подобрал его, когда тот был еще совсем котенком, заботливо выходил, и теперь это была преданная ему, царственная кошка – Гром.

Ури с любовью легко потрепал ее ворсистое ухо. Ягуар тут же заурчал и попытался поймать на клыки руку хозяина. Старец позволил эту игру, крепкие пальцы заплясали меж острых клыков в теплой и влажной пасти.

– Ну что, солдат, думал – старый Ури ушел в медитацию и заснул... Да вот не заснул. Крепок твой старикан. – Он пригладил кошку. Ягуар, прикрыв глаза, блаженно урчал под ласковой рукой хозяина.

– Ладно, пошли... – Ури вышел на каменистую тропинку. Рядом, степенно повиливая хвостом, мягко вышагивал Гром...

...Много неизвестного таила в себе Долина Призванного, и самой желанной была тайна Дерева Струящейся Воды.

Ури немногих посвящал в нее, но кому доверил, тот мог видеть завораживающую картину: высокий стройный ствол из струящейся воды, выходя из земли, достигал самых небес, и там его крона растекалась по сторонам, как огромное прозрачное облако.

И где бы ты ни был, стоило тебе вызвать ее – перед тобой открывалась эта захватывающая картина: посередине мира искрилось прозрачное величественное Дерево.

А испив из него несколько божественных капель, ты мог познать Таинство Возможного...

...Ури стал перед домом, повернулся лицом к Стороне Храма. В руках – медная сверкающая ступа, наполненная водой. Старец веером – вверх – выплеснул всю воду, начертил в воздухе невидимый знак, негромко пропел несколько слов, и перед ним, как в центре мира, заискрилось величественное Дерево Струящейся Воды.

...Старик бросил руками к небесам, глаза его замерли на огромной Струящейся Кроне, и в тишину Долины вступил его молитвенно-властный голос:

– О, Великая Пустота!

Всесильная и Всепроникающая!

Непостижима Сила Твоя! Ты явила Невыразимое, одарила нас Таинством Возможного!

Преклоняюсь перед Тобой, благодарен и да будет неизбывна сила Твоя!

О, Великая Пустота!

Пусть будут омыты души наши Спасительными Водами Твоего Безбрежного Всепроникающего Сознания!

Пусть явится твое знамение, Господи!

...В какое-то мгновение на огромном прозрачном Стволе, как на экране, возник силуэт девятнадцатилетней девушки. В белых легких одеждах она завораживающе-мягко переходила от движения к движению. Вот плечо плавно пошло в сторону, руки медленно растеклись в полукруг. Древний воинский танец одновременно и захватывал, и успокаивал... На груди девушки горела золотая цепочка с шестиконечной звездой... и вдруг в ее руке возник сверкающий меч...

«...Хаймалка! – послышалось имя старцу. – Хаймалка!»

Через мгновение силуэт растворился в Сверкающем Стволе, Дерево растаяло в воздухе.

Старик на секунду прикрыл глаза, глубоко выдохнул.

Стоявший у ноги ягуар, словно подавая знак о себе, ткнулся мордой в колено.

Ури похлопал по мягкому загривку кошки:

– Примем гостью, Гром?

Тот помел по траве пушистым длинным хвостом.

– Значит, примем... – в раздумье произнес старец. – В Долине Вражды грядут перемены...

* * *

...Исток – Улыбка – Знак – Предвосхищенье
Непостижимых Таинств Красоты...
Мистическая Тайна Превращений
Бессмысленной Великой Пустоты...

* * *

...Год две тысячи Z...

Город Большого Камня был довольно большим и сам походил на степенного горожанина, который прочно стоит на своих двух, имеет стабильный бизнес, добропорядочных соседей и хорошую крепкую семью.

Говорили, что свое название он получил от самой старой городской синагоги – Бэт-Эль/Дом Бога/, а вернее – от огромного камня, ставшего в ее основании.

Еще пару столетий назад, когда евреи осваивали эти места, первые поселенцы решили поставить в этом месте свою первую синагогу.

Поначалу камень попробовали выкорчевать, но он не поддавался, подступались и так, и сяк, но не смогли даже сдвинуть с места. Тогда евреи загадали – на счастье сделать валун углом фундамента: как бы Богом подаренное прочное основание.

Синагогу построили, а про камень со временем позабыли. Но название все же прилепилось, и так и пошло: Большой Камень, Город Большого Камня...

Другой его легендой был местный Университет.

Поговаривали, что здесь проводились какие-то тайные опыты, а каждый уважающий себя горожанин, как некий пароль, приберегал про себя уважительные понятия – «биоэнергоинформатика» ... «психотропное оружие»!

Даром, что с год назад здесь проводилась мировая, наделавшая много шума, конференция.

Некоторое время после нее горожане чувствовали себя членами некоей тайной секты и с особой заботой рассуждали об ужасном количестве «зомбированных психотропными генераторами».

Но через месяц-другой страшные подозрения позабылись, и город снова зажил своей степенной жизнью: «генераторы – генераторами», но, кроме них, существовало кое-что и еще...

Правда, никто не отменял и университетской жизни: занятия, «тайные опыты», конференции.

На этот раз нагрянул Съезд молодых лидеров.

Страстная надежда планеты жаждала власти, чтоб, наконец, освободившись от оков старой цивилизации, возвести на трон Мир и Благоденствие!

Гостей и участников собралось более ста человек. Будущие творцы человеческих судеб светскими львами прохаживались по огромному холлу конференц-зала, роскошно одетая прислуга подавала разнообразные напитки и фрукты, щелкали фотоаппараты, поблескивали голодные глаза телекамер.

Лица будущих премьер-министров, госсекретарей, президентов излучали вселенскую любовь.

В какой-то момент над головами вдруг взвился транспарант «Израиль агрессор» и враз изменившаяся толпа, словно услышав магическое заклинание, на мгновение замерла и вдруг закипела дружным негодованием:

– Агрессор!

– Агрессор!

Особенным рвением истекала группа из молодых людей в кипах.

Дружно заработали телекамеры. Одна из них «наехала» на мужчину лет сорока пяти в черном джинсовом костюме:

Репортер: Мы беседуем с известным журналистом Хадисом Хараном... (журналисту): Ваши первые впечатления?..

Хадис: То, что я и предполагал. Посмотрите, как этот, заплескавшийся над головами будущих царей и их гостей транспарант, из торжественных, полных вселенской любви лиц в долю секунды сотворил жадную до ненависти толпу!

Но более всего ужасает отношение ко всему этому сытой еврейской либеральной молодежи! – и он кивнул на парней в кипах. – Еще более отвратительно отношение ко всему этому еврейского самодовольного истэблшмента, позабывшего страшные ужасы концлагерей и озабоченного только одним – своим благополучием.

Сегодня, когда Израиль залит кровью ни в чем не повинных детей, на деньги холеных еврейских буржуа содержатся университеты, где нагло ведется юдофобская пропаганда.

Репортер (торопливо): Спасибо... А сейчас я хотела бы представить наших новых героев: это – профессор Университета, известный в нашей стране биофизик и его студенты.

Репортер: представьтесь, пожалуйста.

Студентка: Меня зовут Джульетта. Я еврейка, но считаю себя гражданкой мира. Я учусь в этом Университете. Мечтаю стать преподавателем... (улыбаясь, посмотрела на стоявшего рядом парня) Мы с Абасом – друзья.

Студент: Я – Абас... – и усмехнулся. – Я не еврей. Я с Джульеттой – хороший друг. Это ничего, что она еврейка. Она, зато левая, либералка. А еврейские либералы, как и весь мир, тоже наши друзья. Они все всегда говорят, что Израиль агрессор.

Профессор: Я счастлив, что мне довелось преподавать в этом прекрасном учебном заведении. У нас дружная многонациональная семья, и этим можно только погордиться! В свою очередь я считаю, что это подарок судьбы, что я учу детей многих национальностей.

Репортер (Абасу и Джульетте): Вы собираетесь в дальнейшем связать свою судьбу?

Абас (насмешливо-удивленно): Вы что, хотите, чтоб Абас женился на еврейке?!

Джульетта (как ни в чем не бывало): Да нет, мы просто однокурсники...

Репортер (профессору): А как бы Вы посмотрели на брак своей дочери с иноверцем, если бы встал об этом вопрос? Кстати, ваша дочь – тоже студентка вашего Университета?

Профессор: Апостол Павел, которого вы, конечно же, знаете, сказал: «Нет ни иудея, ни римлянина...». Мы все – дети одной земли... Какая разница, еврей ты или мусульманин, или христианин?... Я не скрываю, что я еврей, но я – либерал, космополит... Что касается моей дочери, я, надеюсь, что всегда смогу уважать ее выбор. Хотя, честно сказать, у нее несколько иные взгляды... – профессор посмотрел поверх голов и, видно, найдя того, кого искал, зазывающе помахал рукой: – Хаймалка! – и пока она подходила, продолжил: – Хаймалка по духу патриотка еврейства. Мы заметили одну вещь: когда ей было всего года два, стоило ей увидеть древнееврейский шрифт, как она тут же невольно улыбалась. И вы знаете, это была радостная улыбка: словно она узнавала что-то знакомое и родное. А вот и она (профессор нежно обнял дочь).

Репортер (с улыбкой): Здравствуйте, Хаймалка, а про Вас мы уже кое-что знаем...

Хаймалка: Я могу добавить и еще кое-что...

Репортер: Вот и отлично. Скажите, как влияют на ваши с отцом отношения различные ваши позиции.

Хаймалка (с улыбкой глянув на отца и вдруг посерьезнев): Я считаю, что при такой звериной ненависти всего мира к одному маленькому еврейскому народу самая большая угроза для евреев исходит именно от еврейских левых-либералов... Но мой папа, хотя и говорит, что он либерал, он просто очень добрый и не хочет видеть негативных, как он говорит, вещей...

Репортер (кивнув глазами на цепочку с шестиконечной звездой на груди Хаймалки): Нужно ли иметь мужество, чтоб носить этот еврейский символ?

Хаймалка: Да, нужно. Сегодня почти все университеты Запада захлестнула ненависть к евреям. А сами студенты-евреи, как во времена фашистов, боятся показать, что они евреи, боятся заступиться за себя. Руди Джулиани как-то сказал: «Быть евреем и быть другом евреев,

значит быть мужественным.». И я горжусь, что у евреев есть такие друзья и что судьба мне подарила самый огромный подарок: возможность быть еврейкой. – Хаймалка безлично скользнула по лицам Джульетты и Абаса.

Репортер: Я вижу, что участники стекаются в зал. Спасибо за беседу. Надеюсь, мы продолжим наш разговор. Удачи!..

Конференция проходила деловито и страстно: молодость планеты жаждала, чтоб «взрослые» отстранились от всех дел и дали новоявленным королям возможность решать, что есть ценность, а что и нет.

И все время в воздухе витало некое... ожидание.

И вот сбилось: к микрофону подошел студент-израильянин. И снова, еще секунду назад любвеобильный зал в мгновение превратился в закипевшую злобную массу. В зале поднялся шум, посыпались насмешки, нервные выкрики. Израильянину не давали говорить, захлопывали.

Отец Хаймалки, сидевший в президиуме, вдруг резко поднявшись, гневно посмотрел на затравленного израильянина и с пафосом швырнул ему:

– А ты хотел бы, чтобы тебя выбросили из твоего дома?!

Поднялась новая волна злобных выкриков, а кто-то ринулся на сцену стаскивать израильянина с трибуны.

Через какое-то время появились неторопливо вышагивавшие полицейские, самозванцев успокоили, но взбунтовавшийся зал все еще кипел от ненависти, и чем больше эта масса осознала, что ее внутренняя жажда расправы сейчас не выполнима, тем больше она распалась.

Тогда, неожиданно для всех, по ступенькам на сцену вбежал Хадис. Подойдя к потерявшемуся совсем у микрофона студенту-израильянину, дружески похлопал его по плечу, поднял ладонь.

Отчего-то: то ли шокированный и не ожидавший такого исхода, а вернее противодействия к себе, озверевший зал затих.

– Меня зовут Хадис Харан, – в наступившей тишине отчетливо прозвучал его голос. – Я журналист. Я – араб. Я такой же, как вы любите говорить, гражданин Вселенной. Я хотел бы понять боль любого человека земли. Но больше всего я хотел бы понять боль еврейских матерей, чьи дети разорваны изуверами-террористами.

В зале стал подниматься шум.

– Я не еврей, но мне противна эта зверино-исступленная ненависть всего мира к одному маленькому народу.

Шум в зале перерос в выкрики и угрозы:

– Долой!

– Продажная шкура!

– Убрать его!

Председательствующий подошел к Хадису, отвел от него микрофон.

– Я внесен в списки выступающих! Вы не имеете права срывать мое выступление! – Хадис повернул микрофон к себе, но на сцену уже поднялись полицейские. Увидев, как за их спинами засветился глаз кинокамеры, Хадис оставил трибуну и пошел на камеру:

– Конфликт между израильянами и арабами сводят к вопросу о земле. Но мусульманский мир занимает территории в тысячи раз превышающие территорию крохотного Израиля! Вдумайтесь – в тысячи раз! Это вопрос земли?! Нет. Это вопрос ненависти! А этот, надуманный, «палестинский народ», которого никогда в истории не существовало – новое оружие, которое, так называемая «мировая общественность», придумала для уничтожения Израиля.

В то время, когда евреи дают работу так называемым, «палестинцам», а в еврейских университетах на равных учатся «палестинские» юноши и девушки, в «палестинских» же домах с молоком матери прививают настоящую звериную ненависть к тем, кто кормит их и обучает!

Хадис медленно шел вдоль стены мимо надвинувшегося на него зала:

– Арабо-израильский конфликт есть только конфликт двух цивилизаций... Люди и звериная ненависть: вот истоки этого конфликта!

Сегодня даже каждый начинающий психолог знает: этот конфликт не разрешим! И он будет длиться до тех пор, пока одна из сторон не истечет кровью и не погибнет!

– Израильская шестерка! – студент в кипе плеснул было в лицо Хадису какой-то жидкостью, но сбоку оказалась Хаймалка и сбила стакан на пол.

– Бей жидовку! – бросил кто-то в разгоряченную толпу.

Произошедшее дальше оказалось тем финалом, которого так внутренне жаждала агрессивная толпа: Хадис был сбит с ног, женская рука сорвала с Хаймалки цепочку с шестиконечной звездой и швырнула ее под чьи-то сапоги.

Страшное месиво озверевшей толпы в мгновение взяло Хаймалку в плотное кольцо, сбilo на пол...

* * *

...Вместо любви – ненависть...

Вместо мира – война...

Вместо любви – проклятье...

Вместо Храма – Стена...

* * *

...По комнате растекался мягкий свет ночника, заботливо стараясь быть в стороне от кровати Хаймалки, словно боясь коснуться ее подраненного тела.

Из госпиталя, почти к полуночи, ее привезли домой и теперь, после всевозможных блокад, она спала, положив поверх подушек уставшую, подернутую синяками, руку.

...В приоткрытую дверь заглянула мать. Лия всматривалась в осунувшееся лицо дочери, пытаясь вслушаться в ее дыхание.

С трудом сдержав рвущийся из горла плач, вернулась в зал. Приглушенный свет ночника выхватывал из полумрака сторбленную фигуру отца Хаймалки – пятидесятилетнего профессора.

Майкл сидел на краю дивана, опершись локтями о колени и подперев кулаками лицо.

Лия села рядом, неслышно плача, утерла глаза. Сжала кулак, из которого вытекла золотая цепочка с шестиконечной звездой.

Они долго молчали – две затихшие на диване фигуры.

Конец золотой цепочки, вытекшей из руки Лии смутно блеснул в полумраке.

Лия перевела глаза на стоявший напротив сервант: за стеклом, на одной из полок, в каком-то неом ожидании, замерли серебряный семисвечник и рядом небольшая, с ладонь, икона. За ними темнели корешки нескольких книг. Среди них были сувенирные издания Библии и Корана.

Лия, зажав ладонью рот, сопротивляясь накатившей волне плача, словно продираясь сквозь удушье, с каким-то упреком и ненавистью, проговорила:

– Это ты все сделал! Ты и такие же трусливые евреи, как ты! Где они, ваши так называемые ценности?! Где?! Либералы поганые! Это все – вы! Вместо того чтобы уничтожить эту мразь, вы обучаете их, оплачиваете их университеты! А вместо благодарности – кровь моей

дочери?! Вам не ценности нужны! Вы просто трусы! Вы покупаете свое благополучие, свою поганую безопасность ценой детской еврейской крови!

– Замолчи! – едва сдерживаясь, выдавил Майкл.

– Это я должна молчать?! Ты подставляешь звериной толпе единственную дочь, а я должна молчать? Убирайся! Я не хочу тебя видеть! Вон отсюда!.. Убирайся!

Майкл, словно обмякнув, опустил плечи, бросил к полу глаза.

Мгновение, другое... он поднялся и вышел из зала.

Лия в безмолвном плаче ткнулась лицом в ладони. Меж пальцев стекла золотая цепочка и шестиконечная звездочка.

* * *

...Это был обыкновенный домик, каких тысячи на улицах Большого Камня, плотно прилепившийся к соседнему, похожий на скворечник, с круглым окошком под самой крышей. Он ничем бы не выделялся среди других, если б в часы намаза из его окон не вырывалось неожиданное и чуждое для западных горожан, протяжное «...аллах акбар...».

И только тогда глаза прохожего невольно находили черную вывеску с белой паутиной арабского шрифта, да у входа, тут же на ступеньках, выстроенный ряд «разношерстной» обуви.

Эта была одна из десятков мечетей, разбросанных по всему Большому Камню.

Молельный зал ее начинался сразу от дверей – это было свободное от всякой мебели пространство с рядами разноцветных ковриков на полу...

...Шло время дневного намаза. Имам Идрис, мужчина сорока пяти лет, в чалме, с аккуратно – стриженной бородой, в черном сверкающем халате, вел молитву. Гортанный звук его голоса, медленно повышаясь, обрывался и накатывал снова, подобно долгой укачивающей волне.

Глаза Идриса, обращенные вглубь себя, казалось, не видевшие ничего вокруг, на самом деле замечали каждый поклон, каждое лишнее движение: разные люди посещали мечеть, каждый приносил в эти стены свое, но главное, они все были его преданными последователями, его, пусть, пока еще маленьким войском, но которому в скором времени суждено перерасти в огромные армии. Перерасти и захватить мир. А точнее, привести этот грязный людской мир под знамена новой великой идеологии – неоисламизма.

Единый мир – единая религия! А он, Идрис, зачинатель этого нового мировоззрения, за которым пойдет все это мировое ничтожное людье.

Главное – знать это самое людье. Но и в этом отношении у него, имама Идриса, как раз все в порядке: за плечами – лучшие западные школы психологии и психотерапии.

С чего начался этот интерес он, кажется, уже и не помнил, но это было, как наваждение: если психология по-настоящему затопила все твое существо и у тебя есть деньги, тебя закрутит по всему белу свету: только бы по-настоящему соприкоснуться с той Божественной тайной, что называется СОЗНАНИЕ и МОЗГ. Именно она, эта тайна, как ничто другое, манила к себе, порою, как казалось, подпускала к себе настолько близко, что чудилось: вот-вот нечто взорвется, разлетится на миллион кусков и перед тобой, как храм, откроется эта единственная вещь, ради чего стоит жить: тайна сознания и мозга...

Так Идрис оказался в Большом Камне, приобрел дом, открыл в нем частную практику врача-психотерапевта.

Через какое-то время соседи стали продавать свой дом; что-то подсказало Идрису купить его и перестроить под мечеть.

Так и сделал. Как-то быстро сколотилась небольшая община (может, потому, что он был врачом, но, может, отчего-то и еще) но люди пошли, и это было началом.

... Закончив молебен, Идрис прошел к себе в дом. Он мог войти в него прямо из мечети: благо здания стояли стена к стене.

* * *

На Идрисе одет великолепный темный халат. Лениво вытянув ноги, он сидит на диване в своем доме.

Перед ним, на низком квадратном столике – голубая пиала и фаянсовый чайник с зеленым чаем.

Идрис, смакуя, потягивает чай, закатывая маслянистые глаза. Появились мысли о приближавшемся еврейском празднике Дарения Торы. Вот бы увидеть его затопленным в крови...

... Ненависть к евреям... Он поймал себя на этом, но по давней привычке не отступить ни перед какой мыслью, занялся ею. Эта была странная и, кажется, необходимая ненависть. Имело ли значение, откуда она? Она жила в нем и все!

Она была такой же неотъемлемой частью его существа, как сердце, мозг, руки. А что питало ее – какое это имело значение?!

Она могла быть привита с самого рождения, могла просто течь по его жилам еще в материнской утробе, могла стекать еще со времен праотцев. Но все же в глубине души он знал, что эта была неистребимая ревность к тому, что евреи обладали той тайной Божественного, которая так манила его к себе всю жизнь.

Что-то случилось в горах древней Палестины – Мориа и Синае. Именно там, в том пространстве свершился какой-то прорыв к надчеловеческому, и там нить контакта с Божественным залегла в иудейское существо.

Но почему именно они – эти евреи?! Эта мысль, возникнув много лет назад, раздавила душу, как каменная глыба может раздавить человеческую плоть.

Еврейский мозг, продираясь сквозь злобу времени, затаил в себе знание трансцендентного, и Бог являет тайну через них, евреев.

Но если человек может все, то, значит, можно вырвать эту тайну из бесовской еврейской души!.. Только надо знать, как говорить с Богом... надо знать язык, на котором говорит Творец! Нужно уметь заинтересовать Всемогущего! А это возможно! И он фанатично верил: Всевышнего можно заинтересовать! Только нужно и можно научиться этому! Хоть у самого Сатаны, но научиться!

Идрису у с дышалось, как отчетливо прозвучало в мозгу «Сатана», но может, он невольно произнес его вслух...

... Идрис сидит перед зеркалами: истинный эмир! На нем атласный королевский халат, на пальцах массивные сверкающие перстни. Вокруг Идриса суетится прислуга: полуобнаженные наложницы, повиливая ладно сбитыми бедрами, вьются вокруг, примеряя то одну, то другую чалму. Наконец, выбрана темно-коричневая, и те же темноокие гурии усаживают Идриса на королевский трон, услужливо подправляя полы его халата.

Но вот в какой-то момент чьи-то руки столкнули к трону черную мохнатую фигуру, и у его подножия упал на колени Дьявол. Он медленно поднял от пола козлиную губастую морду, вопросительно снизу-вверх посмотрел на Идриса и, поднявшись, отвесил глубокий поклон:

– К твоим услугам, о Великий!..

– Разве я тебя звал?! – с полуугрозой спросил Идрис.

– Я умею быть с теми, кому нужна помощь... – уклончиво ответил Дьявол.

– ...Мне нужна помощь Сатаны?!.. – Идрис подпустил в голос гнева.

– Помощь Знающего...

– Ты – знающий?! – усмехнулся Идрис.

– Я – тот Единственный, кто говорит «Нет!», когда Бог говорит – «Да!». Я – тот Единственный, который говорит «Должен!», когда Бог говорит – «Не смей!». Я – тот Единственный, который говорит «Жизнь!», когда Бог говорит – «Смерть!»

– Не слишком ли... для обыкновенного... рогатого...

– Все может быть... Но только, чтоб заинтересовать Бога, прежде нужно заинтересовать Дьявола!

Идрис посмотрел на него длинным, пристальным взглядом.

Сатана присел на ступеньку перед тронном и уже тоном торговца продолжил:

– Если ты решил покопаться в тайне еврея, то мы можем на короткий срок подружиться!

– А почему на короткий? – усмехнулся Идрис.

– Ну, ты же знаешь, Светлейший: если я скажу на «длинный», то и получится на... короткий...

– Ты ко всему еще и наглец!.. Но говори: чего ты хочешь взамен?

– Но я тебе это уже сказал... Минуту назад...

Идрис на секунду задумался.

«Если Бога нужно познавать через Дьявола...» – внутренне усмехнулся он и вслух поддел:

– Ну что ж, «...умеющий быть...» – «...на короткий... так на короткий...».

Сатана, словно давно уже знал итоги этой сделки, в секунду оказался сбоку Идриса, острым длинным когтем надорвал над его плечом халат и прижал к оголившемуся плечу раскаленную печать.

Кожа задымила, Идрис, закричав от боли, обнажил выросшие в секунду клыки, и бросился на Сатану, но на его месте оказалась пустая клетка, железные прутья которой тут же с грохотом опустились.

Идрис знал, что теперь он крыса и разъяренно впился в решетку.

Откуда-то на золотой трон полилась нефть, Сатана поднял над рогатой головой зажженный факел и швырнул на залитый нефтью трон. Вспыхнувшее пламя, подобно красной тигрице, метнулось в лицо крысы. Та издала мерзкий дьявольский визг, вжалась в стенку клетки, но языки огня уже пожирала ее...

...Идрис открыл глаза: жена его, Фатима, склонившись, боязливо толкала в плечо. Идрис решил, что это был сон и сейчас он просто сидит на своем диване, в своей квартире.

Придя в себя, он оттер взмокший подбородок. Ему стало легко, будто мимо прошла страшная беда.

А вспомнив «сон», и всякую в нем чертовщину, громко и, как бы с иронией к себе, рассмеялся. Все бы хорошо, но вид озабоченной Фатимы насторожил: она, словно чего-то боялась, и не решалась об этом сказать. Взгляд жены скользнул в сторону локтя и только теперь Идрис увидел, что халат над его плечом разорван.

На секунду оцепенев и вспомнив «сон», острый коготь Дьявола, он вдруг с силой вlepил ладонью в плечо. Ладонь медленно поползла вниз, складки халата вокруг разреза разошлись и обнажили похожую на наколку маленькую фигурку зайца. Печать Дьявола!

Идрис в упор посмотрел на жену. Она упала на колени и сбивчиво заговорила:

– Идрис, клянусь Аллахом, не знаю... пощади меня! Я ничего не слышала! – вдруг сорвав с плеча платок, все так же на коленях, стала лихорадочно оттирать пол.

И только сейчас Идрис заметил темноватые следы копыт.

«Дьявол!» – Идрис оцепенело наблюдал за ползавшей на коленях и испуганно причитавшей женой.

Следы вели к лестнице в полуподвал. Идрис шаг за шагом пошел по ним.

Фатима бросилась ему в ноги, обхватив их, стала молить:

– Идрис, не ходи! Мне страшно! Идрис! Ради своих двух сыновей! Остановись!

Тот отпихнул ее каблуком, осторожно ступил на лестницу.

Следы копыт были на каждой ступеньке. Озираясь по сторонам, Идрис спустился вниз. Следы мелкого семенящего шага повернули к стенке.

Красная дверь! Цвет Дьявола!

Идрис остолбенел: в этой боковой стене никакого выхода никогда не было!

...Идрис оттер взмокший от страха лоб, нерешительно взялся за красную ручку. Гулко било сердце. Сжав сильнее ручку, он вдруг рванул ее на себя и невольно отпрянул перед открывшейся перед ним картиной.

Он шагнул вовнутрь.

С лестницы осторожно спускалась Фатима.

– Идрис! – она бросилась к нему, но было поздно: протяжно взвизгнув, дверь закрылась.

Фатима схватилась за ручку, иступленно крича, стала рвать на себя, но дверь не поддавалась.

– Нет! Я не хочу! – пронзительный крик Фатимы забился в низких стенках полуподвала.

Она растрепала волосы, стала их рвать на себе, крича и плача, бессильно опустила на пол.

Но вдруг за стенкой что-то заскрежетало, Фатима испуганно отползла, дверь стала медленно отходить, и из нее вышел Идрис.

Халат на нем был по-прежнему с надорванным левым рукавом, но цвет поменялся на красный.

Фатима бросилась ему в ноги, целовала ступни, подняла к нему голову. Глаза Идриса сияли, словно он получил нечто долгожданное.

Артистичным движением он схватился за порванный рукав и одним сильным движением сорвал его с себя.

Маленький красный заяц на предплечье показался более отчетливым.

Идрис легко, словно пушинку, отшвырнул ногой Фатиму и неспешной, королевской поступью пошел к лестнице.

Фатима, отброшенная на пол, онемело, смотрела вслед поднимавшемуся по ступенькам мужу и потом перевела глаза на красную дверь. Та, взвизгнув, остановилась, оставив небольшой черный проем.

* * *

...После того, как в его жизнь ворвался Дьявол, Идрис передал управление мечетью своему близкому другу, до минимума сократил лечебную практику, забросил семью и, кажется, напрочь забыл о сыновьях. Все свое время он проводил за красной, пробитой Сатаной, дверью: там, за нею, распаивалось огромное пространство со своим светом и небом, землей и деревьями, множеством лабораторий и темниц, людьми и животными.

И только один единственный вход вел в этот непостижимый мир.

«Заинтересовать Бога!» – эта мысль заполнила все существо Идриса. А «заинтересовать Бога» – значило совершить неповторимый, грандиозный ритуал:

«...культовое действие, будь то жертвоприношение, состязание или представление, понуждает богов допустить желательное космическое событие, если оно представлено в ритуале...» – Идрис всей своей сущностью верил в эту древнюю идею: она таила в себе слово «матрица»...

И то, что задумал он, должно было стать самым Великим Жертвоприношением, какое когда-либо знала человеческая цивилизация.

И, кажется, к нему – к этому величайшему жертвоприношению было все уже готово: до этого, поистине Космического Вселенского чуда, которого ожидал Идрис, оставались считанные дни.

И теперь, откинувшись на высокую кожаную спинку кресла и забросив ноги на стол, он сидел в своем НОВОМ «офисе», или, как он называл его, «Пульте Запуска».

На столе стоял большой монитор, начищенные до блеска красные туфли Идриса касались его корпуса.

Слева от Идриса распахнулась дверь – на Пульте появилось чудовище с головой вампира и туловищем человека.

Крепкой мохнатой рукой легко, словно игрушку, вампир держал за шею мужчину лет пятидесяти: им оказался профессор Майкл.

У вампира были огромные гнойно-желтые уши, острый, как у носорога, нарост, круглые, злобно сверкающие глаза. В его приоткрытом рту сверкали точеные, как бритва, передние резцы, ноздри хищно раздувались, и казалось, он вот-вот набросится на свою жертву, срежет острыми резцами с нее кожу и, как это делают вампиры, углубит языком рану и начнет лакать кровь. Как жаждущие псы лакают воду, так вампиры лакают кровь.

– Ваше приказание выполнено, Светлейший! – глухим механическим голосом отчитался вампир.

Идрис церемонно осмотрел сжавшуюся от страха фигуру профессора, повернулся к вампиру:

– Ты умница, Халиф... – Идрис небрежно бросил рукой в угол. – Там есть стул.

Вампир водрузил профессора на деревянный табурет, отошел к закрывшейся двери.

Идрис с заброшенными на стол ногами выждал минуту, затем повернулся вместе со спинкой кресла:

– С прибытием, господин профессор... Как добирались?

Майкл, вжавшись в угол, подрагивающей рукой массировал шею, и как из двух норок, из его глаз выглядывало два страха.

– Надеюсь, Халиф не очень утомил Вас?

– Как вы смеете?! – возмутился профессор.

– А, может быть, пригласим вашего эд-во-кэтэ? – расхохотался Идрис, но, как бы повинившись, оборвал смех. – И вправду, профессор, извините за причиненные неудобства... – он нажал на кнопку монитора. На экране возникла блондинка с большими синими глазами:

– Слушаю вас, Светлейший...

– Джина, коньячку, пожалуйста...

– Слушаю, Светлейший!..

– Как вам моя секретарша? – Идрис насмешливо посмотрел на Майкла.

– Где моя семья?! – как бы пригрозил профессор.

– Прошу вас, расслабьтесь... Ваша семья на своем месте.

В комнату вошла Джина – девушка лет девятнадцати, стройная, в короткой юбке. Она поднесла Идрису серебряный поднос с бутылкой хорошего коньяка и двумя бокалами.

– Спасибо, моя девочка...

– Рада служить вам, Светлейший, – она налила коньяк и на подносе поднесла бокал Майклу.

Тот, вопросительно глянув снизу-вверх, взял бокал и залпом выпил.

– Будем здоровы, профессор! – Идрис сделал легкий глоток, поднявшись, сел на край стола.

Джина вышла.

– Что поделаешь... – нарочито-благодушно начал Идрис. – Таков мир. А мир наш – война... – и с пафосом поднял бокал:

– Война давно объявлена! Государство воюет с государством, народ с народом, религия с религией, человек с человеком и человек с самим собой же! – и как бы дружески поделился. – Разве не так, профессор?.. А все эти науки, искусства, вся эта надуманная культура – все это лишь способы и состояния войны. Все – есть война и ее символы... И скоро в войну вступим мы – неоисламисты!

Майкл держал бокал, не зная, куда его деть.

– Халиф, обслужи господина профессора, возьми у него бокал, – дружелюбно попросил Идрис.

Вампир выбросил бокал в мусорный ящик.

Идрис развел руками:

– Робот есть робот, какой бы он совершенный ни был! Хотя, он может многие вещи... Увеличиться в размере, например... – и тут же нарочито спохватился. – О, да, это Вам уже было продемонстрировано. А вообще, как он вам? Нравится? Уникальнейшая машина! Аналогов еще нет. Но ничего, у Вас еще будет возможность удивиться его возможностям...

Профессор пристально посмотрел на вампира, но не выдержав свирепого взгляда черных круглых глаз, отвел глаза...

Идрис усмехнулся:

– Впрочем, профессор, мы имеем и еще кое-что... Одну секунду, *коллега*... – он повернулся к пульту управления, нажал несколько кнопок и на стене напротив открылся большой экран. Через мгновение на нем появились кадры с какой-то огромной комнатой или залом. Скорее, это походило на казарму: два длинных ряда коек были строго заправлены черными одеялами и на каждой кровати, словно окаменелые, скрестив ноги, сидели бритоголовые мужчины.

«Камера» наехала ближе, и Майкл невольно содрогнулся: они были безбровы и походили на одинаково сработанных зомби.

Идрис, сидя на столе, слегка подался вперед и громко, в сторону экрана, бросил:

– О, мои великие воины!

Безбровые, секунду выждав и, узнав голос хозяина, разом сошли со своих коек и вытянулись:

– Слушаем, Светлейший!

Идрис с усмешкой посмотрел на Майкла:

– Что, профессор, коленки затряслись?! – и снова бросил к экрану:

– Отдыхайте, мои преданные солдаты.

В ту же секунду безбровое воинство вновь, скрестив ноги, замерло на своих койках.

Идрис выключил экран, с превосходством посмотрел на Майкла:

– Вот это и есть первые солдаты моей будущей великой армии! Мы спасем мир от неверных! Мы спасем мир от всякой нечисти!

Идрис сделал глоток коньяку, в нарочитом раздумье произнес:

«...время любить и время ненавидеть... Время войне и время миру...» – и вздохнул:

– Пророки тоже ошибаются... Я бы сказал по-другому: Не было на земле и дня без ненависти! Не было часа без кровопролития! И не было мгновения без войны!

Майкл исподлобья посмотрел на него:

– Что с моей семьей?!

– Ладно... – вроде бы с чем-то согласился Идрис. – Начну со второго вопроса: «...что с моей семьей...». Но на этот вопрос я вам уже отвечал... Так что на первый вопрос: «...что вам надо...» отвечаю... Я Вас... пригласил потому, что меня интересует иудаизм. Да, да, не удивляйтесь... Я, наверное, один из немногих арабов, тем более палестинцев, которые интересуются этим. Правда, самый первый, кого заинтересовал, я бы даже сказал, захватил иуда-

изм, это был Великий Мухаммад! Да благословит его Аллах и приветствует! Как известно, этот интерес перерос в новую веру. Так что, как видите, мой интерес не случаен.

– Вы глубоко ошиблись... В этой области я не могу быть даже вашим собеседником... Так что «ошибаются» не только пророки.

Идрис рассмеялся:

– У Вас чувство юмора... Но мне Вы и не нужны – ни как собеседник, ни как сотрудник... если честно сказать... – и он посмотрел на реакцию Майкла.

Тот вопросительно глянул.

Идрис взял со стола газету, прихлопнув по странице костяшками пальцев, расправил ее и процитировал:

«Профессор рассказал одну любопытную деталь из своего раннего детства. Когда ему не было даже года, он своеобразно реагировал на древнееврейский шрифт. Стоило родителям показать его, годовалый малыш (будущая звезда биофизики) улыбался еврейским письменам, словно узнавал нечто близкое... Ну, вероятно, так можно улыбаться матери...» – Идрис сбросил газету на стол. – Узнаете? Репортаж с вашей, так нашумевшей, конференции.

Профессор это интервью помнил. Но то, как Хаймалка реагировала на древнееврейский шрифт, журналист ошибочно приписал ему.

– Это не я... – начал было он, но вдруг, отчего-то насторожившись, оборвал окончание фразы.

– Что... – не Вы? – в свою очередь в упор глянул Идрис.

– Извините...

– Идрис... Мое имя Идрис... – быстро ответил он. – Так что... «это не Вы»?..

– Я хотел сказать, что газете я никакого интервью не давал.

– А кому давали?

– Это было телевидение...

Идрис на мгновение задумался, подойдя к Майклу, резко приподнял его подбородок и в упор посмотрел ему в глаза.

Профессор попытался дернуть головой, но подбородок был зажат крепкими пальцами.

– Смотри, собака еврейская, я не переношу обмана! – и он оттолкнул его голову. – Халиф, правильно я говорю? – он посмотрел в сторону двери, которую охраняло огромное чудовище.

– Вы говорите правильно! – механическим голосом ответил вампир.

– Ладно... Приступим к делу! – Идрис стал у огромного на всю стену окна и пальцем поманил Майкла.

Тот послушно подошел и, глянув, остолбенел: там, за стеклом, распахнулось огромное пространство, которое точь-в-точь, хотя в меньших размерах, но повторяло площадь у Стены Плача и саму Стену. Словно каким-то образом сейчас, за этим окном, оказался кусок Иерусалима. Площадь была пуста, лишь несколько человеческих фигур, что-то соорудая, копошились в центре ее.

– Теперь, надеюсь, Вы видите, как интересен иудаизм арабу...

– Это невозможно! – оцепенело глядел Майкл.

– Ну, что вы... Разве может профессор биофизики произносить такую фразу!.. Все возможно! Все! Ибо во всем пребывает Бог! А может... Дьявол!

– Чего вы ищете? – в ноги Идрису спросил Майкл.

– Мо-ти-вация! – заерничал Идрис, но, выждав паузу, вдруг возбужденно выпалил:

– Язык Бога! Язык, на котором говорит Бог! Вот высшая тайна! Все эти ваши психотропные бредни и остальная чушь – это все детские игрушки, которые бросает вам Творец для потех!.. Язык Бога – вот что нужно понять! А именно еврейский мозг затаил в себе эту тайну-ТАЙНУ ЯЗЫКА ТВОРЦА! И потому даже годовалый еврейский ребенок, еще хорошо не осо-

зная, что стоит перед его глазами, так смеется, так радуется, когда видит какой-нибудь кусок Торы! И это были Вы! Мозг этого ребенка знает эту тайну! А, значит, знает тайну Ковчега!

Майкл, опустив голову, снова вспомнил телеинтервью:

«Хаймалка по духу патриотка еврейства, – говорил он женщине-репортеру: «... стоило ей увидеть древнееврейский шрифт, как она тут же невольно улыбалась. И вы знаете, какая это была радостная улыбка: словно она узнавала что-то знакомое и родное...»

Майкл взглянул на лежавшую на столе газету.

«Грубая и странная ошибка... – подумалось ему. – Впрочем, журналисты могут так перевернуть... А, может, это воля Господа Бога...»

– Эй, профессор! – резко позвал Идрис.

Майкл вскинул голову:

– Да, я слушаю, Вы говорили... ковчег.

– Да, ковчег! А Вы знаете, чем на самом деле был Ковчег Завета?

– Да, есть мнение, что Ковчег Завета был генератором энергетических полей.

– Не только... Через Ковчег Творец говорил с евреями... Дьявол Гитлер неспроста искал его... А он понимал в таких вещах...

Профессор длинно посмотрел на Идриса:

– Если суммировать: «шрифт»... «Ковчег Завета»... и... подсознание «ребенка» хранит об этом информацию... – профессор вдруг насмешливо взглянул. – Вы хотите заглянуть в мое подсознание...

– Я понимаю, что Вы обладаете еврейской иронией. Вы, евреи, так млеете от своей ироничности, но на самом деле за этой вашей ироничностью стоит лишь ваш вечный страх: вы не хотите и не можете постоять за себя. Да и вся ваша культура отсюда: от страха! И все так называемые ваши еврейские либеральные ценности!.. – и он желчно передернул:

«... и корова будет пасти с медведицей, и детеныши их будут лежать вместе; и лев, как вол будет есть солому...» – глаза Идриса загорелись ненавистью. – Когда шакал знает, что он шакал, он хочет чтоб и лев солому жрал... Но Бог с ним!.. А насчет подсознания, Вы оказались правы. Я хочу заглянуть в него. Даже не заглянуть, а вывернуть его, как старую шляпу...

...Майкл настороженно взглянул, а Идрис расхохотался:

– Да, мой дорогой профессор, испытать кое-что Вам придется. Я бы даже сказал пережить... Но Вы ведь тоже опыты проводите... Бедные крысы!.. А ведь как они похожи на людей!.. Еще коньячку? Да вы садитесь, Майкл, присядьте...

Профессор сел на прежнее место в углу и глухо спросил:

– Чего вы хотите?

– Ну вот... Знакомый вопрос... – и вдруг проникновенно открыл. – Запуск! Вам нравится это слово – *Запуск*?! А я обожаю его! Запустить подсознание! Как говорил Великий Тим – «вступить в контакт с клеточной мудростью»!.. Знаете? – Тантра, суфизм, танцы, пост... Но еще самоистязание, электрошок, секс!.. А еще болезненные физические процессы: например, делать на теле надрезы! Или еще лучше подпиливать зубы!

– Ты не посмеешь, Дьявол!

Идрис метнулся к нему и, чуть пригнувшись, задышал почти у самого лица Майкла:

– Для того, кто ищет Бога, не существует таких соплей! – и передернул. – «непосмею». Посмею! Тут и сместь нечего! Просто мне нужно было то, что нужно было. Ритуал! – он подошел к окну. – А теперь у меня есть все! – и он показал пальцем на Майкла. – Еврейский мозг, который меня устраивает, живой человеческий материал и пространство, где я совершу Великое Жертвоприношение!.. Заинтересовать Бога! Вот что главное! Сотворить нужную матрицу! – и он кивнул на «площадь» у «Стены Плача». Идрис взял недопитый бокал и как бы опомнился:

– О, пардон, профессор! – достав из бара свежий бокал, плеснул в него коньяку и поднес Майклу:

– Сатана! Дьявол! Сатана! – Тот наотмашь ударил по нему торцом ладони, бокал отлетел в сторону и раскрошился о стенку.

В ту же секунду возле Майкла оказался Халиф, заломил ему кисть, профессор закричал, на мгновение потерял сознание.

Очнувшись, увидел Идриса: тот сидел на краю стола с бокалом в руке. Вампир стоял у двери.

– С возвращением! – Идрис приподнял бокал. – Как самочувствие?.. Но ведь нельзя же так обращаться с таким божественным напитком...

Майкл с ненавистью отвел глаза в сторону.

– Ну, хорошо, профессор, на сегодня, пожалуй, достаточно! Через несколько минут Вы сможете отдохнуть, а сейчас я обязан поделиться с Вами Моим планом Великого Ритуала! Великого Жертвоприношения!

И он исподволь стал открывать ему задуманное. Скоро, говорил он, весь мир станет под знамена неоиудаизма! Вся нечисть будет сметена с лица земли. Скоро будут освобождены все великие города и в первую очередь – Иерусалим, который и станет его великой столицей! – он церемонно бросил рукой в окно, за которым распахнулось пространство – копия Стены Плача. – Иудейское племя, наконец, будет сброшено в море. Все ваши так называемые святые, вся память о вас будет начисто искоренена и стерта с лица Земли. И в честь этого на Святой Земле, у Камней Истины (так будет называться Бывшая Стена Плача) будет устроено Великое Жертвоприношение.

Для этого на площадь будут пригнаны два-три их десятка, оставленные для этого Великого Ритуала. Они будут одеты так, как столетие назад мы, мусульмане, повелевали им одеваться! На них будут напялены высокие шутовские колпаки, на шее каждого тяжелые гири, перепопоясаны они будут желтыми ремнями, а женщины их будут обуты в разноцветные башмаки: на одной ноге черный, на другой красный. Так мы, мусульмане, повелевали им одеваться, чтоб отличимы были они от нас – правоверных! И так они одевались! Эти ряженые будут волочь по земле мешки со своими последними книгами. А впереди них будет идти их раввин и читать книгу – эти раввины любят вести свое стадо на закланье с открытой книжкой. Но никогда еще Всевышний не был с ними. Чуть позади этого раввина будет идти связанная по рукам Жертва. Так пройдут они семь кругов, потом снесут свои мешки в центр площади к жертвенному камню, вывалят их нутро. Тогда зажжется факел истины, и они сами начнут сжигать свои книги. И потом сами эти шуты будут отданы в руки ликующей толпы: пусть народ потешается над их шутовским видом и рвет их на части. И потом настанет самый Великий час: связанную жертву положат на жертвенный камень, и самый доблестный мой воин сотворит самое великое в истории жертвоприношение. И это будет великий миг: вся память об этом рабском иудейском племени будет стерта с лица Земли...

Но не успел Идрис закончить, как на «Пульте» взорвался громкий и болезненный смех: Майкл, закатив голову, истерично хохотал и хлопал ладонями по обеим коленкам.

Идрис глуповато улыбнулся, но тут же, приняв насмешливый вид, сделал вампиру знак рукой: убраться!

Халиф схватил профессора за шею, сорвал со стула и поволок к двери.

– Урод! Ты больной! Маньяк! – вырываясь из клешни вампира, захлебываясь, закричал Майкл. – Маньяк! Маньяк!

Он пытался сорвать с шеи мохнатую руку чудовища, но тот, приподняв его над полом и понес легко, словно пойманного за холку кролика.

– А есть и еще кое-какие способы «запуска»! Например, сильная душевная травма... – вслед ему зло рассмеялся Идрис. – Хотя бы лицезреть смерть самого дорогого существа!.. А лучше – не одного!..

– Ты не посмеешь, мразь! – рванулся Майкл, но вампир уже протащил его сквозь дверь и поволок по длинным тускло освещенным коридорам.

– «...по-сме-ешь...не посмеешь...» – вслед профессору, насмехаясь, передернул Идрис и когда закрылась дверь, повернулся к окну, за которым завершалась подготовка к «Великому Жертвоприношению».

Идрис по-наполеоновски скрестил на груди руки, глаза его надменно замерли, словно он видел огромные толпы, суеверно падающие к его ногам.

Но вдруг ему подумалось о жене, вспомнились далекие с ней ночи, горячее, страстное тело Фатимы, ее вскрики. Кажется, это было в каком-то далеком, давным-давно отлетевшем прошлом: в последнее время он и вправду как будто забыл о ней... Ему представилось, как он мог бы сейчас сорвать с нее одежды, завладеть ею, ему увиделись ее твердеющие в любви розовые соски-виноградины. Тело затопила жаркая волна.

В дверях появился вампир. Идрис, кивнув ему: за мной, вышел из-под подполья в полуподвал своего дома и легко, словно в нем проснулся двадцатилетний юноша, вбежал по ступенькам в гостиную. Фатимы там не оказалось, не было ее ни в кухне, и ни в ванной.

Идрис вопросительно посмотрел на вампира.

– Надо смотреть наверху... – заученно ответил Халиф.

Идрис стал медленно подниматься на второй этаж и у самой лестничной клетки оцепенел: из одной из спален доносился тающий голосок жены и воркующие мужские голоса.

Глаза Идриса зло полыхнули, обеими руками он вцепился в деревянные перила, белые от напряжения пальцы, казалось, сжимали не эти деревянные поручни, а душили кипевшую внутри ярость.

Но вот, словно пересилив себя, он посмотрел на вампира, стоявшего двумя ступеньками ниже:

– Ее можешь взять, остальных в темницу... К евреям! – спустившись в полуподвал, он поставил напротив красной двери кресло и, развалившись в нем, стал ждать.

Сверху донесся женский визг и мужские крики. А через минуту к ногам его скатились с лестницы двое мужчин. Безбровые. Следом, держа за шею трепыхавшуюся Фатиму, спустился к Идрису вампир.

– Ты сам во всем виноват! Ты Сатана! Ты продался Сатане! – кричала Фатима.

Безбровые умоляюще ползали в ногах Идриса, тянулись целовать его ноги:

– Не губи, Светлейший!

– Пощади! Ради детей пощади!

– Она сама нас затащила!..

– Она угрожала нам!

Идрис брезгливо отпихнул их ногой и махнул вампиру. Тот рванул на Фатиме легкую блузку. Она стала отбиваться, кричать, угрожать, что расскажет всем про красную дверь, но вампир, сбросив ее на ступеньки, разорвал на ней надорванную прозрачную блузу, наклонившись к ней, передними резцами срезал на груди кожу, углубив языком рану, стал лакать кровь.

Хлюпающий звук жутко стегал тишину полуподвала. Фатима неподвижно лежала под Халифом, закатив к потолку неподвижные остекленевшие глаза.

Двое безбровых оцепенело отползали в сторону.

Идрис открыл красную дверь и скрылся в слабо освещенном проходе.

* * *

...Темница, в которую вампир втолкнул двух безбровых мутантов, скорее походила на пещеру. Под ее низким куполом висел всего один фонарь, тускло освещавший каменистое чрево. Здесь не было лежанок, пол был забросан соломой.

Обитатели полумрака, сверкая глазами, словно волки, насторожились в своих углах.
За мутантами закрылась дверь-решетка из металлических прутьев.

Глаз, по привычке к этому полумраку, мог различить сидевшие вдоль стен несколько групп. В глубине, в тесной кучке, затаилось человек пятнадцать в черных кафтанах и шляпах – сектанты из Нетурей карто¹.

С ними, хотя чуть поодаль, сидела еврейка в черном платке и косынке. Руфь.

В пещере находилось еще три пленника: мужчина, лет сорока, Соломон, и недалеко от него две женщины. Одна, лет восемнадцати, – она сидела, положив голову на плечо матери. Хаймалка и Лия.

Мутанты злобными глазами прошли по фигурам сокамерникам, уставились в лица натурейцев.

– Натурей карто! Мы Натурей карто! Мы против сионистов! Смерть Израилю! Вся власть арабам! – один из группы встал на колени.

– Дерьмо! – сплюнул мутант.

Соломон, внимательно следивший за этой сценой, длинно выдохнул:

– Эй, натурей-катурей, не скажете, сколько еще времени евреи будут служить своим врагам?! А?! Мало нашей, еврейской, крови пролито за то, что б у нас наконец-то возродился наш дом, наш очаг? Мессию хотите?! А может Мессия и есть та кровь, которая пролита за то, что бы евреи смогли, наконец-то жить в своей возрожденной стране?! Не приходило ли вам в ваши вражеские мозги, что Пролитая Еврейская Кровь, которая взывает к защите Израиля и есть взывающий к нашим сердцам Мессия?! А?! Вы, уроды, думаете, что арабы пожалеют вас?! Они вас первыми и прикончат! Запомните – первыми!

Соломон, глянув на затихших вокруг «соседей», невольно протянул:

– Ну и компашка подобралась!

С десяток глаз уперлось в него.

...Мутанты сели в метрах трех от Руфи. Один из них, в упор рассмотрев ее, с ухмылкой кивнул второму и на четвереньках пополз к ней.

– Я давно такую хотел! – перебирая коленями и руками, все больше распаяя себя, отшвыривая из-под рук пучки соломы, он подобрался к заслонившейся руками женщине.

Хаймалка дернулась было броситься к ней на помощь, но в памяти невольно возникла зероподобная толпа, обезумевшие глаза... жаждавшие ее крови, удары ног...

Хаймалка ткнулась матери в грудь, плотнее прижалась к ней. Лия обняла ее, наклонившись над ней, словно хотела защитить от надвигавшегося насилия.

Кто-то из группы что-то пролепетал, но его тут же осадил голос второго безбрового:

– Сиди, собака, пока тебя самого не трахнули.

Первый, приободренный этой поддержкой, подполз к женщине.

– Стоять! Стоять, мразь! – вдруг крикнул Соломон, но тот, уже рванув на ее груди платье, навалился на нее.

– Нет! – она пыталась отбиться, безбровый замахнулся было ударить ее, но Соломон успел перехватить его руку. Переломив ее в запястье, схватил мутанта за загривок, сорвав с колен.

Тот взвыл и стал изворачиваться.

В руке второго блеснул нож. Еврейка, увидев поднявшуюся фигуру второго, прижимая к груди оборванный лоскут платья, стала на колени. Мутант выставил перед собой мерцающее

¹ Нетурей карто – реакционная иудейская община, резко выступающая против существования Израиля. В арабо-израильском конфликте занимает проарабскую сторону, поддерживает тесные контакты с экстремистскими юдофобскими организациями.

в полумраке лезвие, шагнул к спине Соломона, замахнулся, но напряженное нутро сумрачной пещеры разорвал пронзительный женский крик:

– Не-ет! – Руфь, словно волчица, бросилась на него и двумя руками стала удерживать рвущуюся к спине Соломона руку мутанта.

Соломон успел отшвырнуть первого, обернулся, перехватив руку второго, ударил его в пах и вырвал из его руки нож.

Тот, взвывая, отлетел к стенке.

Соломон и еврейка оказались лицом к лицу. Долгую минуту в свете тусклого фонаря они смотрели глаза в глаза, словно что-то узнавая друг в друге.

Она попыталась сдержать слезы, но, неустояв перед рвущейся волной отчаяния, прильнула к груди Соломона и, уже не сдерживаясь, отпустила плач.

Одна рука Соломона, с ножом, осторожно прилегла к ее подрагивающей спине, и он отвел от нее лезвие, словно боясь невзначай поранить:

– Ш-ш-ш! Все позади! Все уже позади!.. Милая моя! Родная! Спасибо тебе!

Сунув нож за пояс, он взял в ладони ее лицо. В свете тусклой лампы к ее припухшим и так поманившим губам сбежали две дорожки-слезы. В первые секунды она стояла с закрытыми глазами, словно не решалась посмотреть, и обеими руками прижимала к груди лоскут изодранного платья.

Но вот ее затененные веки открылись, и из-под мягко изогнутых бровей на Соломона взглянули большие преданные глаза.

Долгое мгновение они стояли близко, лицо к лицу, и, казалось, даже полумрак этой душной пещеры не мог затенить засветившейся в их глазах любви.

Сектанты из Нетурей карто брезгливо косились на Руфь. Та, которая еще минуту назад всецело принадлежала их клану, теперь вот так бесстыдно отдалась рукам гоя. Разом изменившись к ней, как черные вороны, зло нацелились на нее. Но вот кто-то, видно самый целомудренный, сорвавшись со своего угла, за руку оторвал ее от Соломона и увлек на прежнее место – к стенке.

Подобрав под себя пятки, она ткнулась лицом в колени.

Соломон стоял в центре этой душной пещеры почти под самой лампой, и ее желтоватый свет вылепил его сникшую фигуру с опущенной головой.

И какая-то едкая тишина нацелилась на него.

Хаймалка вопросительно глянула на мать, та, поняв боль и стыд в глазах дочери, обняв ее за плечи, прижала к себе...

* * *

...Человек – это встречи – каждую секунду, каждый миг.

Встречи, озаряющие откровением и отбрасывающие во тьму.

Встречи с любовью и ненавистью, встречи с водой и камнем.

...Встречи быстры, как молния, и могут оставить черный след.

Ты выходишь в мир, что бы встречаться, и возвращаешься ради встреч.

...Тысячи лет наши встречи кровь и смерть.

Пришелец поднимал на копьё отнятого у матери младенца. Изгнанник любил песни о чужой земли, тоскуя о камнях далекой Родины.

Поработивший искал истину у раба.

Был отнят хлеб у своего ребенка, чтоб прокормить чужого.

Сын предавал свою Землю, а иноверец отдавал за нее жизнь.

Чужестранец был мудрым учителем, а соплеменник ослеплял и сжигал святыне Отчизны.

Но мы не знаем, не помним и не хотим понять...

* * *

...Двое конвоиров в черной камуфляжной форме вели профессора Майкла по тусклым бетонным коридорам подземелья. Вдоль стен было встроено несколько дверей. Сквозь одну из них прорвался исступленный мужской крик: словно кого-то пытали.

Профессор болезненно сощурился, словно пытался упрятаться от этого истошного голоса. Он мельком осмотрел своих конвоиров: безличные зомби. Это были из тех бритоголовых и безбровых существ из казармы, которую Идрис показал ему на стенном экране.

Наконец, за поворотом они остановились у черной двери. Безбровый прижал Майкла к стене лицом, и только после этого второй из них набрал на панели код, и профессора втокнули в открывшуюся, уже знакомую Майклу, комнату: «Пульт Запуска».

Идрис стоял над мужчиной, который что-то быстро печатал на компьютере.

– А, вот и профессор! – и нарочито-радостно раскрыл руки.

Мужчина за компьютером обернулся: он был обросшим, неухоженной, с проседью, бородой и ниспадающими на плечи длинными, прямыми волосами.

– Не узнаете, профессор? – благодушно спросил Идрис. – Все та же конференция... Журналист, который героически защищал Израиль... Вспомнили? – он церемонно повел рукой в сторону бородача. – Знаменитый на весь мир – Хдис Харан! – и едко подкинул. – Но теперь уже бывший... А сейчас этот правдолюбец стряпает «Новые протоколы сионистских мудрецов». Раньше он поливал грязью всех юдофобов, а теперь вот разоблачает евреев. Жить-то... хочется!.. Но самое интересное, что мир снова поверит в эти «протоколы». И даже с самым превеликим удовольствием. Ведь то, что направлено против евреев, так называемая «мировая общественность» сожрет, как деликатес. Только подавай! – и повел ладонью в сторону Майкла. – А это наш знаменитый биофизик, профессор, у которого в голове есть кое-какие догадки.

Бородач и Майкл молчаливо всмотрелись друг в друга.

– Ну, хорошо.. – Идрис глянул на журналиста. – Дай мне распечатку этих двух «матерьяльчи-ков». – он с особенным удовольствием произнес «матерьяльчиков».

Бородач вернулся к компьютеру.

– Вы присаживайтесь... – Идрис показал Майклу на прежнее место в углу, где стоял все тот же деревянный стул.

– Кстати, сегодня ведь хороший еврейский праздник Рош Гашана! Как там... – и он, как бы поднапрягши память, процитировал:

«...кто будет жить, и кто умрет, кто прожил предел своих лет, и кто нет, кто погибнет в огне и в воде... – и тут он поднял палец и продолжил. – кто будет жить в мире, а кого будут терзать... Красиво сказано!.. Хотите выпить в честь праздника?»

– Спасибо... – глухо отрезал Майкл.

Моноotonно заработал принтер, бородач подал Идрису два листа с плотно напечатанным текстом.

– Можешь идти... – Идрис взял бумаги.

Бородач пошел к двери, где стояли конвоиры Майкла, пристально глянул на сидевшего в углу профессора.

Тот проводил его убегающими вдаль глазами, словно пытался что-то понять, потом посмотрел на широкое, во всю стенку окно, за которым скрывалось огромное сатанинское пространство.

Бородач вышел с одним из охранников, второй остался у двери.

Идрис сбросил листы к компьютеру, по своей любимой привычке, сел на край стола:

– В прошлый раз, помнится, я обещал Вам показать возможности моего Халифа. Помните Халифа? – будничным тоном спросил он.

– Что с моей семьей?! Где моя дочь, мразь?! – приподнялся профессор.

От двери шагнул конвоир. Идрис сделал ему знак рукой и тот отошел на место.

– Слышишь, еврейский пес! – Идрис повернулся к Майклу – будешь говорить нехорошие слова, попадешь за ту дверь: ты только что проходил мимо нее... там... еще кто-то очень громко разговаривал... Очень громко... Вы ведь не могли не услышать этого... – он с нарочито-великодушным укором распахнул руки.

Майклу припомнились пронзительные крики, прорывавшиеся сквозь одну из дверей тоннеля, он потерянно свесил голову.

– Ладно... – Идрис взглянул на часы. – Самое время. Скоро в синагогах начнут трубить в шофар, – он нажал на одну из кнопок сбоку стола, и на боковой стене засветился большой экран.

«...кто будет жить в мире, а кого будут терзать...» – как бы для себя проговорил Идрис, и на экране возникла, парившая в небе фигура вампира.

– Смотри, еврей! – вдруг возбудился он, бросив рукой в экран. – Это начало того, о чем столько мечтал весь праведный мир, чего не мог добиться никто, даже Великий Гитле.

* * *

...Халиф опустился посредине широкой запруженной автомашинами улице.

В несколько мгновений вампир превратился в огромное семиметровое чудовище. Он поднял двухметровую ступню и ударил по проезжавшему мимо автомобилю.

Машина превратилась в смятую консервную банку, за ней расхлестали воздух завизжавшие тормоза десятка машин, некоторые из них оказались на встречной полосе – в пару минут широкая улица превратилась в беспорядочную массу столкнувшихся, перевернутых автомобилей.

Крича от ужаса, сбивая друг друга с ног, по сторонам разбегались обезумевшие от страха люди.

Завыли сирены пожарных, «скорых» и полицейских машин.

Вампир, подхватив одну из человеческих фигур, лакал из его разорванного горла кровь.

Отбросив мертвое тело, как насытившийся хищник, Халиф осмотрел взорванный под ногами человеческий улей, разбросал по сторонам огромные руки и, вытянув кверху черную вампирскую морду, издал громкий ликующий крик, крик счастливого существа, познавшего всю свою мощь.

Упоенный своей силой, Халиф расшвырял замершие под ногами автомобили, которые отлетали по сторонам, как легкие спичечные коробки.

В небе закружили вертолеты. Чудовище, легко спружинив, взмыло в синеву. Его красная пасть распахнулась в сатанинском ликующем крике и из нее выбивался острый багровый язык.

Полицейские вертолеты на расстоянии закружили вокруг чудовища, которое, упиваясь полетом, купалось в небесной выси. В какой-то момент оно нырнуло вниз, подхватив с земли автомобиль, вознеслось с ним в небо, зашвырнув его, подхватило еще машину, и тогда кружившие вокруг вертолеты ударили по нему длинными пулеметными очередями.

Пули прошли его тело, но вампир, угрожающе раскрыв пасть, нырнул к одной из «стрекоз» и ударил по ней огромным кулаком. Машина переломилась, как спичка, и рухнула на замерший в страхе и любопытстве город.

Халиф увидел, как второй вертолет идет прямо на него, понесся навстречу сам, вытянув вперед обе руки. Перед самым, уже казавшимся неизбежным, столкновением, «стрекоза»

вдруг попыталась вывернуть вверх, но вытянутые руки вампира, вонзившись в ее «брюхо», рассекли ее надвое.

Вспыхнувшие куски металла рухнули на грудь столкнувшихся на дороге автомобилей.

В небе появились истребители, но вампир уже не обращал внимание на эти машины, словно они потеряли для него всякий интерес.

Он нырнул к земле, мягко спружинив на огромных ногах, оказался напротив старинной синагоги.

В Бэт-Эль шло празднование Рош-Гашана. Подходило время выноса свитка. Возбужденно молились мужчины, покрытые светлыми талитами, а на небольшом балконе благоговейно щебетали женщины.

Это праздничное небольшое пространство больше всего украшала девочка лет четырех. В светлой рубашке, длинной синей юбчонке, с ниспадающими на хрупкие плечи каштановыми мягкими локонами, она, как солнечный зайчик, беззаботно бегала меж молящихся мужчин, что-то радостно щебетала и, как старушечка, смешно держась за поручни, поднималась на балкон к матери.

Ее мать, молодая женщина лет двадцати пяти, в длинной одежде еврейки, поймала девочку за руку, но солнечный зайчонок, выскользнув из ее руки, снова засеменил к лестнице вниз.

Раввин возвысил в молитве голос, Свиток, качнувшись в руках одного из мужчин, поплыл по залу.

Вдруг с улицы раздались истошные крики. В синагоге на мгновение все замерло, а за ее стенами продолжали рваться пронзительные крики мужчин и женщин.

Мать девочки бросилась к лестнице.

Начавшуюся было суматоху, остановила брошенная кверху рука раввина:

– Шэма Исраэль! – как бы приказал он и, громко читая молитву, направился к двери.

– Шэма Исраэль! – зашептали десятки дрожащих губ.

– Шэма Исраэль! – люди в растерянности боялись смотреть в глаза друг другу.

Раввин, подойдя к двери, распахнул ее, увидев шагнувшее к синагоге чудовище, на мгновение оцепенел, но в доли секунды в его воспаленном мозгу промелькнула страстная раввинская мечта: вот властная рука с ножом занеслась над жертвенником, на котором лежал связанный по рукам и ногам юноша, вот нож уже готов был, ринувшись вниз, пустить жертвенную кровь, но громовой голос отвел мужественную, не дрогнувшую руку...

Глаза раввина полыхнули фанатичным огнем, он закрыл дверь, пророчески оглядев испуганные сникшие тела и вымаливающие надежду глаза, снова величественно поднял руку:

– Шэма Исраэль!

Девочка уже была на руках своей молодой мамы, и они замерли у стены за спиной раввина.

На улице все стихло, но от какого-то сильного удара была снесена крыша, и над головой верующих возникло кроваждно раскрывшаяся пасть чудовища.

Рванулись к небу женские крики, но тут же возникла оцепенелая, тишина, люди стали жаться друг к другу, собираясь в единый затравленный страхом ком.

С балкона снова ударили женские крики, вампир новым ударом вмял в пол, забившиеся в судороге, женские тела.

Женщина прикрыла глаза девочки рукой, припав лопатками к стене, стала медленно скользить к выходу.

Малышка стала капризничать, пытаясь оторвать от глаз ладонь матери.

Чудовище занесло руку, и от нового удара приплющились к стене мужские искаженные лица. Деревянная стена с окровавленным месивом человеческой плоти затрещала и рухнула.

Халиф подхватил и смял в кулаке прикрывавшегося свитком мужчину, и на обезумевших людей упало разорванное надвое туловище, следом от пасти вампира размотавшись, скатилась вниз пергаментная лента Свитка. Исписанная черным шрифтом, она медленно поползла вверх, исчезая в пожирившей ее пасти.

Из открытой ниши для свитков выпали два, еще остававшиеся в ней. Железная дверца ниши, покачнувшись, замерла.

Женщина, крепче прижав ребенка к груди, бросилась было к выходу, но в ту же секунду чудовище, разорвав ленту Свитка, отбросило ее на рухнувшие стены и вырвало ребенка из рук матери.

– Нет! – она бросилась руками к дочери, но вампир снова увидел замершую дверцу ниши и с размаху бросил ребенка на ее железную дверцу. Тело девочки, напорвшись на острый угол, переломилось и рухнуло на пол. Мягкие каштановые локоны накрыли лицо девочки, но и сквозь них ударили в небо остекленевшие детские глаза.

Мать девочки, пронзительно крича, забилась у стены.

Чудовище, вытянув от блаженства морду, придавило ее огромной ступней, из-под которой вырвался багровый пузырь из окровавленной женской рубашки.

Вытягивая от блаженства окровавленную морду, вминая в руины останки людей, Халиф шагнул к стене с пустой нишей для Свитков, вlepил по ней ступней, стена, раскрошившись, рухнула. Огромная пята Халифа поднялась над валявшимися на полу свитками и, ударив по ним, проломила пол.

Свитки исчезли под обломками гнилых досок и кусками обрушенной стены...

...Бесполезно кружили в небе новые вертолеты и беспомощно выглядывали из-за машин полицейские с автоматами.

... Древняя Бэт-Эль, полная светлого праздника, в несколько мгновений превратилась в руины, из-под которых доносились стоны еще рвущихся к жизни, изуродованных человеческих тел.

Под полом рухнувшего балкона возникло страшное копошение, за ним потянулся протяжный затухающий зов, и меж обломков вытекла и жадно потянулась кверху окровавленная рука.

Халиф блаженно загоготал, подцепив ногой странно скорченное тело, швырнул его к этой выбившейся из руин молящей о помощи руке. Безжизненное туловище, перевернувшись в воздухе, напоролось на торчавшее рядом с рукой острое поломанной доски. Руины под трупом опустились, окровавленная рука, последний раз дернувшись, безжизненно замерла.

Над всеми этими руинами возвышался лишь небольшой кусок как-то выстоявшего правого угла Бэт-Эль.

Халиф, ступая по трупам, по еще живым, шевелившимся телам, в несколько шагов достал до этого уцелевшего угла, огромными лапами сорвал его и зашвырнул далеко на улицу.

Разлетевшиеся доски обнажили посеревший, похожий на застывшего бегемота, большой камень. От него начинался город Большого камня.

Халиф ударил по нему ступней, но валун не дрогнул. Он ударил еще сильнее, но камень не поддался.

Оторопевшее чудовище дико взвыло и с новой силой вlepило ступню в серый бок валуна. На этот раз камень шевельнулся и приподнялся кверху одним углом.

Халиф ударил еще раз, угол валуна приподнялся еще больше, и вдруг из-под его потревоженного бока выступила вода...

Халиф, раскинув огромные лапы, в диком восторге загоготал, распахнутая красная пасть обнажила острые передние резцы...

* * *

...Экран погас... По комнате расплзлась выжидающая тишина. Идрис, по-наполеоновски скрестив руки на груди, свысока смотрел на Майкла. Профессор сидел неподвижно; сторбленный, с поникшими плечами, безлично ткнулся глазами в пол.

Но вдруг, обхватив руками голову, потерянно застонал:

– Безумцы! Уроды!.. Господи, где же ты?! – он покачивался из стороны в сторону, как после тяжелого плача.

Идрис вытянулся в кресле и заерничал:

– О Боженьке вспомнил, товарищ еврейский либерал!.. и он издевательски расхохотался. – Елбай!

Майкл с ненавистью посмотрел:

– Ненавижу! Презираю!

Но слова профессора только подзадорили сытое гоготанье Идриса.

– Ничего удивительного... – перестав смеяться, отметил тот. – Ненависть для еврейского левого или как вы там сейчас «перекрашивается» – либерала, одним словом, елбая, ненависть – это ваша левацкая натура!

– Не вашим фашистским душонкам рассуждать о нас! – крикнул профессор.

– Да я и не рассуждаю, я говорю сейчас, как врач-психотерапевт... Вот из-за таких, как вы, и страдает ваш народ... Если еврей принялся за какое-то начинание, но при этом он объявил себя левым-либералом, то жди беды, даже не беды, а катастрофы. Вы слышали про «Альталену»?.. Нет?.. Ну, тогда послушайте! Любопытная еврейская история. В 1948 году еврейские левые расстреляли корабль, на котором прибыли в Израиль евреи для защиты вашего же сионистского государства. А на корабле находились бедолаги, которые чудом выжили в фашистских концлагерях. Гитлер их не достал, а зато ваши левые их и ухлопали. А ведь на «Альталене» еще было огромное количество оружия. Бедняги везли это все через моря-оке-йя-ны, чтоб помочь в борьбе против арабов, но не довели. У самого Тель-Авива свои же и разбомбили. Такое преступление против своего народа способны совершать только левые коммуняги!

– А чего это у «отца неоисламизма» так вдруг за Израиль душа разболелась? – подбросил профессор.

– Бросьте, профессор! Какая чушь! У меня не «душа разболелась»... а чтоб ни одной еврейской души не осталось... и не только в Израиле... А мой, я бы сказал, анатомический интерес к евреям в этой ситуации просто неизбежен... Так вот, что касается, еврейских либералов... Любопытная теория здесь выстраивается... – Идрис мельком глянул на Майкла. Тот отвернулся, как фыркнувшая институтка.

– Вот и прекрасно... Ваша реакция, как раз говорит об обратном: зацепило вас, мой дорогой профессор! – и он нарочито-великодушно похвалил. – Ученый! Сразу видно! А для настоящего ученого теория дороже родной матери... Так что выслушать меня вы выслушаете.. – Идрис достал из бара коньяк, плеснул в два бокала.

– Нашей взаимной любви это не помешает... – благодушно заметил он, протянув Майклу коньяк.

Тот, поколебавшись, как бы нехотя взял, но уже через мгновение, залпом осушил бокал.

...Идрис чувствовал себя профессором на кафедре, забросив руки за спину, расхаживал по комнате. Подойдя к стоявшему у двери конвоиру, смахнул с его плеча пылинку, вернулся к своему столу, достал из нагрудного кармана рубашки маленький, с крохотную таблетку, фоночип, демонстративно осмотрев, сунул назад и как бы, опомнился:

– Ну так вот... Хорошо известно, что наличие чувства собственного достоинства – одна из самых основных потребностей человека. Одной из ее опор является осознание своей

принадлежности к чему-то или кому-то. «Принадлежать!» – вот жажда человека. Еврейский левый, или либерал, полон страха от того, что он рожден евреем, и полон чувства вины за то, что он еврей. Самые большие враги для него, это слово еврей, еврейская внешность, еврейские символы, словом, все то, что может выдать в нем его еврейское происхождение. Отсюда и начинается его конфликт... «Левый невроз»... А как я это придумал, а?! – просмаковал он. – Но продолжим... Великий психолог Перлз... тоже еврей, конечно, говорил. – Идрис скрестил руки на груди и на память процитировал:

«Заразная природа невроза основывается на сложном процессе, в котором, во-первых, присутствует чувство вины и страха оказаться изгоем, и, во – вторых, желание установить контакт, даже если это будет и псевдоконтакт.»

«Я – гражданин мира!» – вопит левый, чтоб скрыть, что он еврей! «Я принадлежу к мировой цивилизации!» – орет он на всех углах, чтоб только скрыть свою принадлежность к еврейству.

Но смотрите что получается, арабы подали резолюцию «В защиту палестинских детей», и ее приняли на одном дыхании! Но стоило только Израилю подать такую же резолюцию «В защиту израильских детей», так ее тут же, на том самом одном дыхании, и отвергли. По сути – именно этот день стал крахом вашей, как вы хвалитесь, «белой цивилизации» Ведь если вдуматься в то, что произошло: защищать жизни одних детей и отказать в праве на жизнь другим детям?!.. Кто вы тогда, вы, «белая либеральная цивилизация?!»... А? Лицемеры и шакалы!.. Но вернемся к нашим еврейским левым... Бедные ребята! Они ведь чувствуют эту агрессию против себя, они ведь чувствуют, как изуродовано их чувство собственного достоинства, но так хочется жить полноценной жизнью, так хочется счастья, денег, славы, власти! Душа левака переполняется злобой! А агрессия, как известно, требует выхода! Но выход в этой ситуации один: борьба. А это значит: ты должен сделать выбор, кому ты принадлежишь! Что означает: ты или со своим народом противостоишь мировой агрессии, или же, переметнувшись ко всему миру, выступить против своего народа. И тогда еврейский либерал и вопит о своем мировом гражданстве, но это на самом деле другое:

«Я не принадлежу! Я не принадлежу! Я не принадлежу евреям! – сотворив паузу, Идрис с деланным пафосом процитировал:

«Не поднимет народ на народ меч, и не будут более учиться воевать»... – и как будто бы нашелся: – Самое интересное, я бы даже сказал, самое потрясающее в том, что эта надпись висит на здании ООН. Та самая ООН, которая отказала в праве на жизнь еврейским детям. Но главное ведь еще в том, что ООН надпись из еврейского пророка, или кто он там, использовала, а имя автора этих соплей поставить и постеснялась. КАК БЫ И БЕЗ ЕВРЕЯ НЕ ОБОЙДЕШЬСЯ, НО И НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕЛЬЗЯ, ЧТОБЫ ЕВРЕЙ И БЫЛ!.. – и он насмешливо развел руками. – Да! У меня тут есть еще один... елбаевский экземпляр. Мурло. Реинкарнация пророка, как он сам говорит. Вам еще доведется увидеть его. Но это еще тот коммуняга!

Еврейский левый – это презренный шакал, который боится быть шакалом и хочет затесаться в стае волков. Но как бы он ни затирался среди волков, сколько бы он ни набрасывался с волками на своих соплеменников, все равно он останется презренным шакалом. И чем больше он пытается отрицать свою принадлежность, чем больше он с волчьей стаей набрасывается на своих соплеменников, тем больше волки и презирают его!

Но еврейский либерал замучен неврозом, ненависть и агрессия внутри него разрывают его существо, агрессия требует выхода, но еврейский левый труслив, он шакал, он, во что бы то ни стало, хочет уцелеть, но уцелеть, воюя против волков, шансов мало, волки сильны, их много, и потому он хочет затереться среди сильных: среди сильных безопасней освободиться от своей агрессии! Так еврейский левый становится врагом своего народа.

Посмотрите, с каким остервенением еврейские либералы участвуют в антиизраильских демонстрациях! С какими осатанелыми лицами они набрасывались на забор безопасности, который строил Израиль! Но когда я вижу это, когда я вижу эти злобные ваши лица, которые шествуют в поддержку каких-нибудь зулусцев, камбоджийцев, да кого угодно, в то время, когда их страна истекает кровью, я, как никогда остро, вижу всю эту фальшь, весь этот ваш левацкий страх: «Не принадлежать! Не принадлежать! Не принадлежать своему народу!»

А отказываться от своего народа, это все равно, что отказываться от матери, которая вскормила и воспитала тебя! А это противно! Это противно всем! Потому, что это противно человеческой душе! И я ненавижу вас еще больше!

Самое мерзкое, самое низкое, что можно было придумать – это еврейский либерализм! Эта жажда принадлежать кому и чему угодно, лишь бы это была огромная масса! Толпа, в которой, как им кажется, легче всего уцелеть. Но волки видят шакалов! И пока шакалы им нужны, они не тронут их, они используют их, но неизбежно наступит миг, когда семенящий в волчьей стае шакал будет разорван волками на куски!

...Профессор сидел сгорбившись, ткнувшись глазами в пол.

Идрис с презрением посмотрел на него:

– И последнее, профессор, – он нарочито-обреченно развел руками:

– Снова Фредерик Перлз:

«Пациент должен научиться обращать свои энергии сопротивления против внешнего мира, применять их в соответствии с требованием ситуации, говорить «нет», когда это надо сказать».

Но поскольку еврейские либералы не хотят понять своей паранойи, поскольку они не способны «обращать свои энергии сопротивления против внешнего мира», они обрушивают их вовнутрь, то есть против своего же народа.

И если левые и способны сказать «нет», то это только:

Нет! – еврейским ценностям!

Нет! – еврейскому народу!

Нет! – еврейскому государству!

Нет! – «Альталене!»

А кто любит предателей, космополит вы мой драгоценный?!.. – мол, сам виноват, Идрис пожал плечами.

Майкл насмешливо посмотрел на него:

– Надо понимать, Вы диагностировали мне паранойю...

– Разве лично Вам?.. Хотя сами посудите... Вспомните, как на той же конференции вы обрушились на своего соплеменника. Бедный израильтянин! Но зато, какой у вас был праведный, я бы сказал, истинно-левацкий гнев! – и он с нарочитым пафосом передернул слова Майкла:

«...а вы бы хотели, чтоб вас вышвырнули из своего дома!..» О, Господи! Вам – то что до этих зулусцев-камбоджийцев?! Чего вы так из шкуры лезете?.. Какое вам дело, что будет или не будет с ними! Чего вы так больше всех печетесь о «страданиях бедного человечества»?! Чего вам больше всех надо, когда то же самое человечество с сатанинским упорством хочет уничтожить ваш народ?! Куда вы все время лезете, шакалы?! А все это ваше левацкое – «Принадлежать!», а точнее – «Не принадлежать!» означает лишь одно: еврейские либералы всеми правдами и неправдами хотят влезть в волчью стаю!.. А ведь если признаться, тот араб прав: «...тот конфликт, а это знает любой психолог, неразрешим!..» К тому же никто и не хочет его разрешать. Арабские лидеры готовы уничтожить миллионы своих мусульман, но только чтоб уничтожить еврейское государство. Этого хочу и я! И я это сделаю! Я – Идрис! Я – основатель неоисламизма!

– Ваше откровение, наверное, нужно понимать, как приговор... мне?

– Ну, почему же приговор?! Вы еще поживете... Правда, света белого вам больше не увидеть, но здесь вы еще поживете... Вы мне пока еще нужны... Я бы, конечно, по возможности не беспокоил Вас, но ведь... крысы, какими бы они лабораторными не были, они все равно не знают древнееврейского... – и он расхохотался своим сытым, с издевкой, смехом.

Профессор длинно посмотрел на закинутую кверху гоготающую голову, резко поднявшись, ударил ногой по стулу.

В то же мгновение охранник скрутил ему руки за спину.

– Ничего у вас не выйдет! – громко запротестовал профессор.

Это, казалось, еще больше рассмешило Идриса: сидя на краю стола, он от удовольствия прихлопнул рукой по колену.

Оставь!.. – хохоча, махнул он охраннику, и тот, оттолкнув профессора в угол, поднял опрокинутый стул и тычком в грудь толкнул Майкла на табуретку.

– Да-а!.. – сытно вздохнул Идрис. – Давно так меня не смешили! – и во второй раз достал из кармана фоночип. Демонстративно повертев его в руках, он как бы для себя проговорил:

– Получится – хорошо... Не получится... пойдем дальше... Ведь... Язык Бога! Ковчег Завета! – и он деланно-спокойно посмотрел на профессора:

– Знаете что это такое? – он показал фоночип.

Тот напряженно подался плечами вперед.

– Эта «крошка», если ее вживить в мозг, умеет считывать нужную информацию... И не только считывать!.. Нас ждет великий Ритуал.

Майкл вдруг съехал со стула и умоляюще пополз на коленях к Идрису:

– Светлейший, прошу Вас, не трогайте меня! Прошу Вас! Ради всего святого! Не трогайте! – и закричал. – Умоляю!

Он осел на пятки, упав головой к полу, заплакал.

Фигура безбрового в камуфляжной форме высилась над ним.

Профессор вдруг поднял залитое слезами лицо и бросился в ноги Идрису:

– Прошу тебя, не трогай!

Тот, брезгливо оттолкнув его, быстро вышел в красную дверь. На пульте появились люди в белых масках и синих халатах. Один из них держал шприц.

... Игла вошла в руку профессора.

* * *

...Профессор, с чисто выбритой головой, лежал на операционном столе, в большой, современно оборудованной «Операционной».

Пять-шесть человек в спецодежде, в масках, выжидающе смотрели на сидевшего поодаль Идриса. Он тоже был в спецодежде. Долгая пауза. Наконец, он встал, повернувшись к стене, молитвенно поднес ладони к глазам и через минуту коротко бросил:

– Начинаем!

В руках хирурга блеснул скальпель...Красная кровавая нить обежала вокруг обритой неподвижной головы профессора... Хирург вскрыл череп, обнажив слизистый живой мозг.

* * *

...Обитатели пещеры сидели каждый по своим углам.

Затаенная сумрачная тишина.

Соломон глянул на Руфь. Ткнувшись лицом в колени, она сидела чуть поодаль от скучковавшихся соплеменников Натурей карто. Почувствовав взгляд, она подняла голову.

Две пары глаз в сумрачном подземелье, всмотрелись друг в друга.

Соломон поднялся, отряхнув штаны, церемонно потрусил ладони и пошел к ней. Десятки, сверкающих в полумраке глаз, уперлись в него.

– Эй, мракобесы, чего нахохлились?! – и съязвил – На-ту-р-яйцы! Вместо того, что бы свою честь защищать, врагам нашим задницы лижете! Думаете, они вас пожалеют?! В первую очередь вас же и сожрут! Потому что никто не любит предателей!

– и он, точно отсекая Руфь, сел между нею и ее соплеменниками, пододвинулся ближе:

– Красивая, как тебя зовут?

Не отнимая лица от колен, она посмотрела на него, и в свете лампы в ее глазах мелькнула легкая улыбка.

– Ладно... – вздохнул Соломон. – Но ты ведь все равно не молчишь! Знаешь, что ты говоришь? Ты говоришь: какого мужика я спасла!

Она утопила в коленях смех. Приободренный этим, Соломон придвинулся еще ближе, успев чертыхнуться, что под ним так громко зашуршала солома. Но его щеки коснулась прядь ее шелковистых волос, и ему показалось, что он умер...

– Я знаю, как тебя зовут... – ожил он. – Мне сказали твое имя, когда я и своего еще не знал...

Она с улыбкой посмотрела на него:

– Тебе, наверное, сказали, что меня зовут Руфь...

– Ничего себе! – восхищенно пропел Соломон. – А как ты узнала об этом?

О чем-то загудели натурейцы.

– Смелчаки! – нарочито вздохнул Соломон и посмотрел на соседку:

– Спасительница, скажи, а тебя и вправду зовут Руфь?

Она с улыбкой кивнула, но отчего-то глаза ее затопила печаль.

– Руфь, я спасу тебя! Вот увидишь... родная!..

– Соломон почувствовал, как в груди свихнулось сердце, он невольно потянулся рукой к ее щеке, но у самых его дрогнувших пальцев лицо Руфи отплыло в сторону.

В это мгновенье, задрезжав, отошла решетка, и в пещеру втокнули высоколобого, в европейском костюме, мужчину.

Едва не съехав на соломе на пол, он неловко выпрямился. Попривыкнув к полумраку, сел недалеко от безбровых. Один из них пристально глянул на него.

– Мэрло! – дипломатично представился он.

– Ишак! – оценил его мутант.

– Коммунист... – тактично подбросил тот. – Еврейская левая организация «Марэло»...

Безбровый вопросительно глянул.

– Маркс-Энгельс-Л завтра енин... – прежним тоном расшифровал новоприбывший.

– Так и бы и сказал... Мурло... – нарочито вздохнул Соломон.

В группе сектантов вдруг что-то взволнованно застрекотали, повернулись лицами в центр образовавшегося меж ними круга.

С каждым мгновением возня стала перерастать в суматоху.

Став на колени, они склонились над чем-то, возбужденно затараторили и потом из расступившейся кучки поволокли к решетке пожилого седобородого соплеменника. Пятки его туфель цеплялись за солому, один башмак спал и замер подошвой вверх.

Один из тащивших затарахтел решеткой и стал звать на помощь. Темное нутро коридора отвечало глухим молчанием.

Кто-то распахнул старику рубашку, приник ухом к груди и через минуту обреченно сел на пятки и опустил глаза.

Второй из тащивших снова затарахтел решеткой, стал рвать ее на себя, но туннели бункера были глухи.

Сидевший над стариком закрыл брошенные в потолок, застывшие глаза старика.

Те двое вернулись к своим, и теперь они все вместе, перебивая друг друга, стали спорить, как правильнее поступить.

– Замолчите! – громко крикнул кто-то из них, и в пещеру упала жуткая тишина.

Тусклый свет фонаря стекал по бледно-мертвенному лицу трупа.

Хаймалка прижалась к матери.

В навалившейся тишине вдруг послышалось какое-то шуршание, и рядом с мутантом, из-под соломы, выбрались две огромные крысы.

Поблескивая маленькими хищными глазками, словно безраздельные хозяева этого полумрака, они деловито подбежали к опрокинутой туфле, обнюхав ее, шурша по соломе длинными хвостами, подбежали к трупу.

Руфь, вскрикнув, ткнулась лицом в плечо Соломона.

Крысы взобрались на грудь старика, и, почти слившись с его черным кафтаном, подобрались к желтому лицу.

Кто-то из сектантов стал подбираться к башмаку, метнул было в крыс пучком соломы, но одна из них тут же угрожающе ощерилась, сатанински взвизгнув, казалось, вот-вот была готова броситься ему в лицо.

Тот испуганно отпрянул назад и, прикрывшись рукой, влип в каменистую стену.

Откуда-то, сбоку от Мурло, выскользнула третья крыса и так же хозяйски неторопливо волооча за собой длинный, скользкий по соломе хвост, подбежала к голове старика, взобралась на нее, растрепав его седые волосы.

Первые две крысы, уже вонзившие зубы в веки мертвеца, почувствовав запах чужака, мгновенно ощетились, угрожающе присев на задние лапы, бросились на непрошенного сородича, сбросив его с головы трупа.

Сатанинский визг сцепившихся в смертной схватке крыс растерзал затаившуюся тишину сумрачной пещеры.

В яростно завертевшемся клубке дьявольски горели маленькие, злобно горящие глазки; острые хищные зубы, отрываясь, снова вонзались в черную мягкую плоть дерущегося насмерть противника.

Крыса-чужак яростно отбивалась, но через минуту была разорвана сородичами и валялась с выпавшими слизистыми внутренностями.

Разделавшись с врагом, победительницы, с мокрыми окровавленными мордами, отфыркиваясь, вновь взобрались на старика, метя по желтому его лицу длинными хвостами.

Обитатели пещеры оцепенело впились глазами в жуткое шевеление на желтом неподвижном лице трупа. В холодящей тишине возникло отчетливое мелкое почмокивание, исходившее от крысиных пирующих морд.

Соломон, внезапно стащив с себя туфли, остервенело, ударил по хищникам. Те, сатанински завизжав, отскочили в сторону. Соломон подхватил башмак старика и швырнул его в них. Следом, точно по договору, ударил крик безбровых, в крыс полетело что-то еще, и они удрали сквозь решетку, не выдержав этого натиска.

Лия, обхватив голову, мелко дрожала. Рядом, став на колени, утешала ее Хаймалка.

Соломон вытащил из-под спины старика полы черного кафтана и накрыл его искусанное лицо.

В молчаливом подземелье настаивалась безысходность...

* * *

...День, которого столько ждал Идрис, вдруг оказался у самого порога.
Завтра!

...Но если даже что-то не состоится, все равно, в любом случае, это будет шагом на пути к его Великой цели, а путь этот не прост и требует времени!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.